

ПО ПОВОДУ БІОГРАФІИ ГОГОЛЯ.

„Біографія Гоголя заключаетъ въ себѣ особую, исключительную трудность, можетъ-быть, единственную въ своемъ родѣ“,—замѣтилъ С. Т. Аксаковъ вскорѣ послѣ смерти великаго писателя (*Московскія Вѣдомости*, 1853, № 36). „Натура Гоголя, лирически художническая, безпрестанно умѣряемая христіанскимъ анализомъ и самоосужденіемъ, проникнутая любовію къ людямъ, непреодолимымъ стремленіемъ быть полезнымъ, безпрестанно воспитывающая себя для достойнаго служенія истинѣ и добру,—такая натура—въ вѣчномъ движеніи, въ борьбѣ съ человѣческими несовершенствами—ускользала не только отъ наблюденія, но даже иногда отъ пониманія людей самыхъ близкихъ къ Гоголю. Они нерѣдко убѣждались, что иногда не вдругъ понимали Гоголя, и только время открывало, какъ ошибочны были ихъ толкованія, какъ чисты, искренни его слова и поступки.“

№ 55, 1902, Моск. Инт.
Это трудное дѣло—біографія Гоголя—не выполнено и до сихъ поръ. Чествуя память одного изъ славнѣйшихъ сыновъ Россіи, мы, черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ его смерти, не знаемъ его какъ человѣка, мы не установили на него безспорнаго взгляда и какъ на писателя. Бѣшенныя нападенія и язвительныя бичеванія, —выражаясь словами одного изъ писавшихъ о Гоголѣ, — сыпавшіяся на Гоголя, котораго въ одно и то же время объявляли и сошедшимъ съ ума писателемъ, и льстивымъ лицемеромъ, искусно преслѣдующимъ земныя цѣли небесными средствами,—давно уже затихли. Но и,—какъ ни странно, — до послѣднихъ поръ мы слышимъ, что *Переписка съ друзьями*—„сочиненіе порожденное, очевидно, болѣзненнымъ настроеніемъ и узкимъ взглядомъ на жизнь“ (*Починъ*, 1895, стр. 108, ст. г. Шенрока).

Далеко не опредѣлено и художественно-литературное значеніе Гоголя въ исторіи русской литературы.

Будемъ ждать, что хотя къ столѣтію со дня рожденія появится въ свѣтъ наиболѣе лучшая біографія и установится безспорный взглядъ на его произведенія.